

Ульяна Гринь

**МАРИНКА,
ХОЗЯЙКА КОРЧМЫ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Г85

Г85   **Гринь У.**
Маринка, хозяйка корчмы / Ульяна Гринь – М.: Литнет, 2025. – 166 с.

ISBN 978-5-521-93658-8

Попаданки долго не живут. Настоящие попаданки в настоящий другой мир, неприветливый и суровый. Только если повезёт. Но разве можно назвать везением тяжёлую работу служанкой? Я, конечно, не белоручка, однако стирать бельё в реке и топить печь никогда не умела. Да и языка не понимаю! А этот мир подкидывает мне одни сюрпризы. Вызов бросает! Что ж, принимаю, даже если ошибаюсь и падаю. И влюбляюсь против воли. Да в кого?! В бирюка, который меня и за женщину-то не считает! Ну и пусть. Есть на свете существо, ради которого можно всё вытерпеть и всё вынести. Попаданки не сдаются!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93658-8

© Литнет, 2025
© У. Гринь, 2025

Глава 1. Товарно-денежные отношения

Первым, кого я увидела в этом странном мире, оказался мужчина весьма примечательной наружности.

Был он высок, широк, бородат и говорил на незнакомом языке. А ещё – мне так показалось – сердился. Хотя почему именно на меня, я не понимала. В чём я-то виновата?

Ни в чём. Так ему и ответила, глядя прямо в его глубоко посаженные чёрные глаза. А он только отмахнулся и пробурчал:

– А, гярд парсын!

– Я не понимаю! – сказала ему гордо. Он закатил глаза и, схватив меня за плечо, подтолкнул к повозке. Я хотела отпихнуть его руку, потому что боль пронзила тело, но сил не осталось. Пришлось подчиниться. Да и в любом месте будет лучше, чем в этом сыром от дождя и холодном от ветров лесу.

В повозке, сколоченной из грубых не ошкуренных досок, я сразу поймала занозу в палец. Застопорившись, попыталась вынуть её, но мужчина нагло шлёпнул меня пониже спины, придав ускорения, и я свалилась лицом в вонючее, но мягкое и тёплое сено.

Мужчина бросил в меня плащом, который снял с плеч, и пошёл к лошади. Повозка качнулась под его тяжёлым телом, он причмокнул, щёлкнули поводья. Лес двинулся по обе стороны от меня, и я зарылась поглубже в сено, накрывшись плащом. Ох, с этой сыростью я точно заработаю пневмонию...

Рука наткнулась на тугой свёрток. Я зашарила ладонью, чтобы отыскать, как его развязать, но свёрток неожиданно раскрылся сам собой, и на меня глянули два больших блестящих глаза.

– Ах ты ж! – громко вскрикнула я от неожиданности, и обладатель глаз шарахнулся в сторону. Но я разглядела маленькое худенькое личико в грязных разводах, курносый носишко и крепко сжатый ротик. Спросила уже шёпотом: – Как тебя зовут?

Она не поняла, хлопая ресницами. Я покрутила головой, досадуя на свою тупость. Ну конечно, она не говорит на моём языке...

Протянув к ней руки, я невольно вспомнила Ташу. Моей девочке сейчас исполнилось бы четыре годика... Нет, нет, не хочу думать об этом, хочу забыть! Но этой малышке явно было холодно, даже закутанной в вязаную шаль, и я решительно подвинулась ближе, посадила её себе под бок и обняла. Девочка сжалась, как цыплёнок под квочкой. Какая кроха! Что она делает тут, в телеге? Кто она этому грозному мужчине, и где её мать?

Телега мерно покачивалась из стороны в сторону на ямках и неровностях дороги, и меня стало клонить в сон. Клевать носом было неудобно, и я прилегла в сено, удобно устроив ребёнка в изгиб руки. Будем греть друг друга, раз уж оказались вместе в это время и в этом месте.

А куда я попала, подумаю потом.

– Марина! Мар! Ты спишь? Открой дверь, Мар!

Так больно двигаться... Не хочу никого видеть. Не открою. Меня нет. Я умерла. Я останусь лежать здесь, в моей кровати, где спала вместе с мужем, который ушёл от меня, куда моя Таша прибегала по утрам и заползала под одеяло, стараясь не разбудить... Я просто комок тоски и одиночества.

Моей семьи больше нет, и всё остальное уже не важно.

Кто бы ни звонил в дверь, ни стучал, ни звал.

Повозку тряхнуло, и я проснулась. Ощущение острой боли в том месте, где, как говорят, находится душа, заставило застонать. Но тёплая девочка зашевелилась у груди, и я тихо позвала:

– Таша...

Сильная рука схватила меня за ногу и потянула:

– Тарай!

– Что?

– Тарай, парсын-ба!

Это что значит? Вылезай, что ли?

Ну, я вылезла. Снова в холод, в промозглый ветер, в ночь. Но девочка осталась со мной, и мужчина гаркнул на меня что-то непонятное и очень страшное. Вырвал её из моих рук и снова посадил в повозку. Малышка, разбуженная, захныкала, но мужчина прикрикнул на неё, и она замолчала, сунув в рот край своей накидки. Вид этого запуганного существа, которому было так хорошо со мной, а теперь стало плохо, разозлил меня. Я набросилась на мужчину с кулаками, колотя в грудь:

– Ты, придурок, не ори на неё! Ей холодно и страшно, а ты зверь дикий, вот ты кто!

– О-о-о! – удивился такому повороту мужчина и схватил меня за запястья. Всё, как пришпиленная бабочка, я больше не могла двигаться! Но вот рот мне заткнуть он не догадался, и я продолжила свой монолог:

– Это твоя дочь, да? Посмотри на неё, какая она маленькая и несчастная! Всё, что ей нужно, это немного тепла и внимания! А ты только кричишь на неё!

Он встряхнул меня, и я захлебнулась своим гневом. Чего я выпендриваюсь? Я же никто этой девочке... Но она напомнила мне Ташу! Свою дочь я не смогла спасти, быть может, мне удастся спасти чужую? Поэтому не отводила взгляд от тёмных злых глаз. Выдержу – победа моя, не выдержу, опущу взгляд – пропаду сама и девочку не спасу.

Он отвёл глаза в сторону первым и кивнул мне на дом, возле которого мы остановились. Прочитать вывеску я всё равно не смогла бы, но мне этот дом не понравился. Я помотала головой и кивнула на девочку. Мужчина отпустил мои руки, оглядел меня с ног до головы и скривился. Я нахмурилась и тоже осмотрела себя. Что ему не нравится?

Мои треники? Кроссовки, полностью промокшие и измазанные грязью? Мой плащик? Пояс я где-то посеяла, майка напита-

лась водой и липла к голой груди, показывая соски. Я запахла плащ и снова вскинула голову. Мужчина нахмурился, но, видимо, принял решение, потому что схватил меня за руку и потащил к дому. Я пыталась затормозить, крича что-то о его дочери, но он меня не слушал. Распахнул дверь и втолкнул меня внутрь.

Ох, мама дорогая, разве заслужила я, попав в этот мир, оказаться в публичном доме?

В зале, где мы находились, было несколько клиентов, а с ними девушки – помоложе, постарше, но в основном лет эдак тридцати. Выражения лиц у них были жеманные, одежда словно куплена в онлайн-магазине для интимных ролевых игр. А вот макияжа почти не было, отчего выглядели девицы довольно непривычно – как линялые золотые рыбки. Волосы сальные, распущенные по плечам, на головах у некоторых – кокетливые шляпки.

И обстановка этого провинциального кабаре была под стать. Облезающая кое-где позолота на подсвечниках, растрескавшиеся половицы, прикрытые потёртыми коврами, фарфоровые статуэтки с отбитыми руками и носами – всё бросалось в глаза, как бы ни старались это спрятать. Мда, могло бы быть и пошкарнее...

Мужчина окликнул одну из женщин и поманил её рукой. Та подошла, глядя на меня оценивающе. Завязался разговор, смысл которого я поняла – мой спаситель торговался с моей будущей хозяйкой. Во сколько они оба меня оценили? Знай я язык и цену валюты... Однако кожаный кошель, перекочевавший из рук женщины в руки мужчины, показался мне увесистым. Ладно, похоже, я стою довольно дорого! Однако здесь не останусь. Сбегу.

Девочку только жалко...

Мужчина глянул на меня в последний раз и ушёл в ночь, не оглядываясь. Козёл! Я вздохнула, готовясь к предстоящему мне веселью. Нет, так нечестно! Я умерла в своём мире, но не для того же, чтобы тут стать проституткой!

Женщина бесцеремонно сорвала плащ с моих плеч и загово-

рила быстро, гортанно. Я поджала губы, глядя на неё с укором. Неужели этот козёл не сказал, что я не понимаю их языка? Женщина принялась махать на меня рукой, чтобы я, очевидно, поторопилась подняться наверх по лестнице. Я поднялась по скрипучим ступенькам, осматриваясь в поисках путей побега. Наверняка тут есть не только парадный вход, но и задний выход, через который можно будет легко просочиться наружу...

– Гас, гас, – нетерпеливо сказала женщина, указав мне на одну из дверей в коридорчике. – Паденг гас о фаллори!

– Я тебя не понимаю, – мстительно улыбнулась. – Ни единого словечка! Поэтому не тараторь, будь добра, мне в уши!

– А-а-а, таракенга идо гас! – она даже ногой топнула и втокнула меня в крохотную комнатку, где стояла одна лишь кровать, а в стене были полки для свечей и одежды. Да тут только собаке можно жить, честное слово! Не развернуться вдвоём. Женщина бросила мне какие-то тряпки, ткнула в них пальцем, потом в меня и сказала:

– Фаллори! Идо!

– Дурацкий язык, прости господи, – вздохнула я. – Да поняла, поняла, мне надо переодеться.

Развернув тряпки, наморщила лоб. Это теперь моя униформа? Да ну, такое надевать – себя не уважать. Платьице короткое, юбочка присборенная, как у субретки в немецком порно, не хватает только вызывающих чулок и десятисантиметровых шпилек!

– Фаллори, идо! – повторила женщина и показала на дверь, пальцами изобразила идущие ноги: – Гастар идо!

– Окей, – как debilке, ответила я ей, стаскивая плащ. Походу, выбора у меня нет, нужно напялить этот позор и спуститься вниз, в зал.

В моей жизни уже были моменты, когда приходилось пожертвовать своей гордостью для общего дела или чтобы вытащить, например, мужа из щекотливой ситуации. Сейчас речь шла о моей жизни. Этот мир оказался неприветлив. Демократией тут и не пах-

нет, человека можно купить и продать, раз плюнуть. Что ж, буду бороться за свои права и за свою свободу... Если выживу, будет, что рассказать... кому?

Напялив на себя дурацкую юбку, плюнула. Некому рассказывать. Муж от меня ушёл, сказал, что я его вгоняю в депрессию, что не могу справиться с собой, что он думал – я сильнее. А дочь... При мысли о Таше на глаза снова навернулись слёзы. Но я не вытирала их. Они доказательство того, что я жива.

Ещё жива.

Пока.

Лиф платица оказался на бретелях. Носила я такие, только подлиннее и без нагло оголённой спины. Кое-как втиснувшись в узкую одёжку, преодолевая естественную брезгливость, я сложила свои мокрые вещи в плащ и связала его края узлом. Мало ли, если бежать – так в нормальных вещах, а не в этом простигосподи.

– Гаста-а-ар! – раздалось из-за двери. Я закатила глаза. Нелзя же быть такой нетерпеливой!

– Выхожу! – гаркнула в ответ и толкнула дверь. Хозяйка каба-ре критически оглядела меня, поцокала языком и указала на лестницу. Понятно, понятно. Иду вниз.

Но уже на лестнице мне стало не по себе. Что я здесь делаю? Что я делаю в этом месте? Разве такого я заслужила? Ведь всегда старалась жить правильно, никого не обижала, а иногда даже боялась сказать слово «нет». Все знали, что можно обратиться ко мне с любой просьбой, и я помогу. Так почему я оказалась в этом жутком мире, в этом жутком месте? Я должна была попасть в рай...

В зале вовсю веселились девушки и мужчины. Алкоголь лился рекой и, походу, мимо кружек, потому что на полу были разлиты подозрительные лужи. Мимо меня со свистом пролетел подсвечник и упал на пол. Огонь от свечи почти подпалил ковёр, но хозяйка всего этого безобразия резво вылила на него воду из ведра, а потом раскричалась на метнувшего «снаряд». Чуть ли не пинками выгнала

его с одной из девушек на лестницу, схватила меня за руку и толкнула к одному из мужчин, который покачивался с кружкой в руке, уже пьяный и с глазами в кучку.

Я была в ужасе, поэтому просто глупо улыбалась, а мужик вдруг наострил уши и подёргал носом так, что мне показалось – это свинное рыльце! Нет, быть такого не может! У меня глюки!

Но глюк вцепился в мою руку и притянул к себе. Отставив кружку, хрюкнул самым натуральным образом и схватил за филейную часть. Я возмутилась, пытаюсь убрать его ладонь:

– С ума сошёл! А поухаживать за дамой? А налить ей для храбрости?

Но меня не слушали. Вторая рука шлёпнула меня по груди, и мужик довольно засмеялся, полез ко мне своим свиным рылом целоваться, и тут я не выдержала – отпихнула его изо всех сил так, что он не удержался и свалился на пол.

В зале наступила тишина.

А я вдруг чётко осознала, что вот теперь-то у меня начнутся серьёзные проблемы.

Хозяйка взвизгнула:

– А-а-а, парсын игера акайу фа-а-а!

И бросилась с причитаниями к свинорылому клиенту. Я отступила к стене, готовясь обороняться до последнего, если нападут, но входная дверь с треском распахнулась. Все обернулись к вошедшему, а я с трепетом опознала в нём моего спасителя, который привёз меня сюда. Мужчина выглядел разъярённым и гаркнул хозяйке что-то резкое. Та ответила возмущённо и указала на поверженного мною клиента. Мужчина покрутил головой и снова рывкнул.

Я испугалась. Что он опять от меня хочет? Может, обвинит в краже? Хотя, что там красть в его бесценной телеге?!

С минуту мужчина и женщина препирались, и это снова было похоже на торг. Мою судьбу решали уже во второй раз за сегодняшний день без моего участия, а я могла только слушать идиот-

ский язык, не понимая ни слова. Наконец хозяйка воздела руки к потолку и взывала что-то похожее на ругательство. Потом приказала одной из девиц подняться по лестнице – это я уже поняла – и ещё что-то. А к мужчине обратилась с ехидным вопросом. На который он ответил, молча кинув женщине давешний кошель и ещё несколько монет.

Меня что, выкупили обратно?

Не вкурила...

Зачем?

Девушка прибежала, стуча босыми пятками по доскам ступенек, с моим узелком из плаща, а женщина ткнула пальцем в моё платье. Мужчина, скривившись, порылся в карманах своего то ли кафтана, то ли сюртука и демонстративно положил на столик одну медную монету. Потом шагнул ко мне, и меня обдало его запахом – сырости, леса, лошади, сена. Испуганно глянула ему в глаза, а он буркнул:

– Парсын.

Взял за руку и повёл из дома на улицу.

Дождь сразу намочил мою одежду, волосы, ноги без обуви мгновенно замёрзли, но мужчина подтолкнул меня к повозке и велел:

– Гас.

Это, насколько я поняла, было приказание поторопиться. Делать было нечего, и я неуклюже забралась в сено, стараясь не светить попой из-под юбки. Вслед мне прилетело досадное цоканье языком и узелок из плаща. Зато я нашла девочку, которая, как маленькая обезьянка, протянула ручки, обхватила мой живот и прижалась всем телом, ища тепла и защиты. На худеньком личике прибавилось разводов грязи, словно она горько плакала, пока меня не было.

Внутри стало так горячо, что почти растопило сковавший сердце лёд. Почти. Зарыдать бы – в голос, закричать, чтобы упал камень с плеч, чтобы освободиться от боли и страданий, но я не смогла. Только обняла малышку, укрыла от дождя, зарылась с ней в сено и закрыла глаза под мерный цокот копыт по булыжникам мостовой.